

КЕНТАВРОМ

Театр «Дерево» на «Золотой маске»

Концертная з. - 2004 - 17 марта - с. 22.

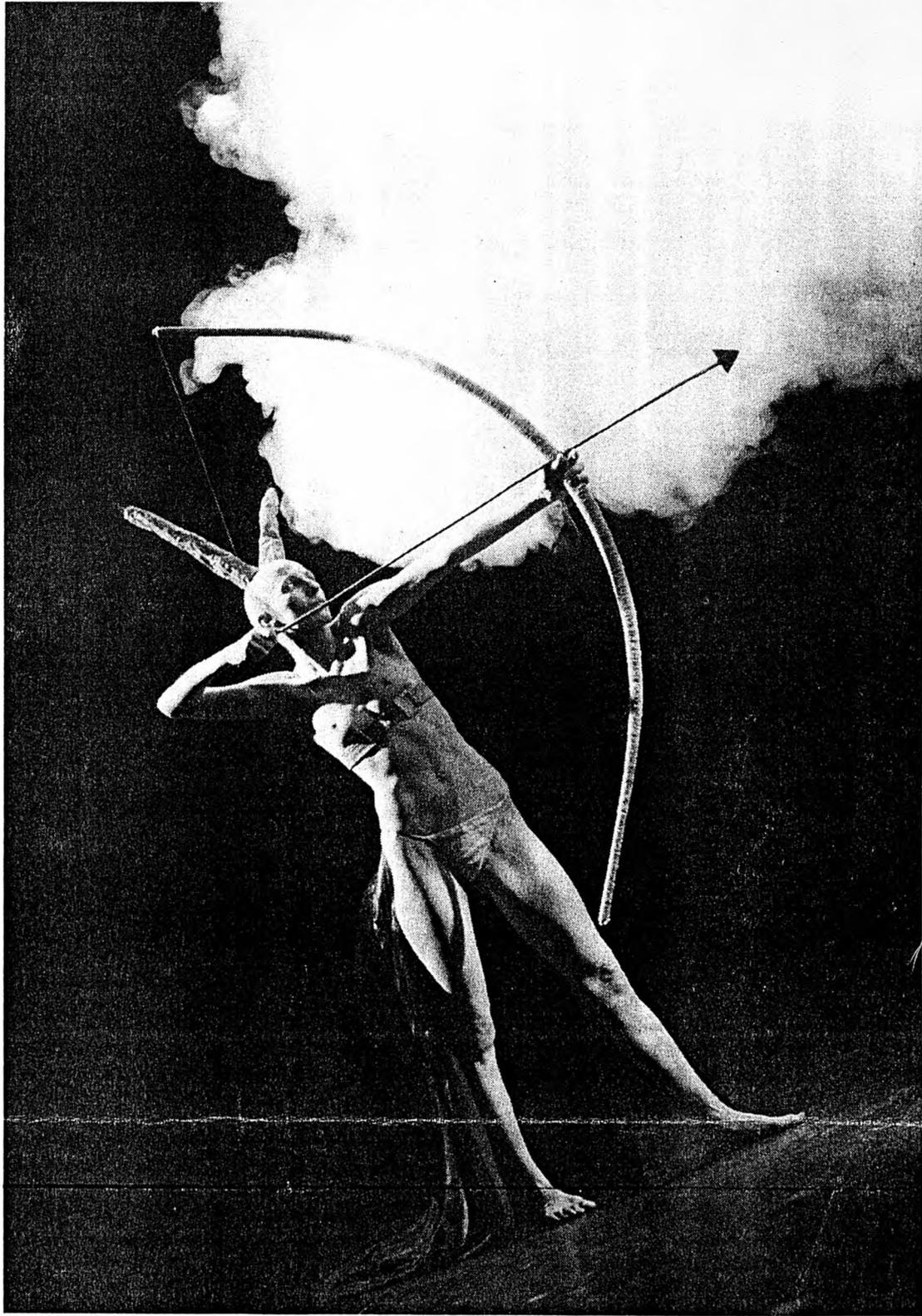
гастроли фестиваль

В Москве продолжаются гастроли петербургско-дрезденского театра «Дерево», проходящие в рамках юбилейной программы фестиваля «Золотая маска». Моноспектакль Татьяны Хабаровой «Отражение» — это своеобразная демонстрация основных навыков и приемов «Дерева». В школе Антона Адасинского побывала МАРИНА ШИМАДИНА.

Известный во всем мире актер и режиссер Антон Адасинский, чей уникальный театр собрал богатый урожай наград на всевозможных европейских фестивалях, включая Эдинбургский «Фриндж», пока не создал своей школы, по крайней мере в России. Он уже много лет говорит о проектах по созданию собственного Дома-театра в Петербурге, где могли бы развиваться его бригады-последователи. А на предшествующей московским гастролям пресс-конференции будущий гуру поделился с журналистами и принципами своей методики обучения. Господин Адасинский рассказал, что прежде чем работать с актерами, он старается разрушить их до основания, чтобы потом на пепелище старых знаний, умений и навыков и на обломках поехавшей психики начать насаждать свое собственное дерево. Возможно, именно поэтому единственными учениками этого экстремального и экстравагантного артиста остаются его товарищи по театру.

Татьяна Хабарова — одна из преданных соратниц Антона Адасинского. Сбрив волосы и сбросив одежду, она самоотверженно превращается в безликую и бесполоую человеческую единицу, из которой, как из податливого теста, можно вылепить что угодно. Ее потрясающе подвижное, как ртуть, тело будто забыло об обычных человеческих движениях. И теперь отвечает на ритмы африканских мелодий неукротимым, стихийным плясом, который может принадлежать лишь существу, никогда понятия не имевшему о

танцах и упорядоченных движениях вообще. Кажется, что это гуттаперчевое тело способно на любые перевоплощения. Например, этюд «Насекомое» доведен до такого совершенства, что зрителю кажется, что в полусумраке сцены и впрямь шевелится какое-то диковинное существо из разряда чешуекрылых. А потом на его месте неожиданно возникает собака, что-то яростно раздирающая зубами, или птица с подобными крыльям, приволаки-

Кентавр Татьяны Хабаровой метко целится в туман ФОТО ПАВЛА СМЕРГИНА

вающая за собой ногу. Вускользающих, не поддающихся однозначной трактовке образах мож-

но угадать прародительницу Еву, смачно грызущую яблоко, или римского императора в лавровом венке, одержимого манией преследования. Но все это даже не люди, не герои бессюжетного спектакля и не персонажи учебного экзерсиса, а сновидческие фантомы, отражения, абстрактные портреты человеческих эмоций, которые подспудно или с прямым напором передаются и публике. Например, когда в зал выпускается огромное

плотное облако дыма, за которым еле угадывается мечущийся силуэт с факелами в руках, а слух

зрителей терзают шум, грохот, крики и стоны, тут поневоле почувствуешь тревожный дискомфорт, почувствовав себя свидетелем гибели Помпеи или другой какой вселенской катастрофы. Вслед за скрежещущими картинами апокалипсиса на сцене появляются видения и вовсе космические — например, кентавр с рогами-факелами и огромным луком, который фантастическим призраком появляется в луче света и, постояв нес-

колько минут, исчезает, превратившись в зажегшееся над сценой созвездие.

В небольшом часовом представлении, состоящем, как и большинство спектаклей театра, из отдельных, не связанных между собой этюдов, трудно усмотреть какую-то общую идею или концепцию. Зато поэтому моноспектаклю вполне можно представить себе, как могла бы выглядеть дипломная работа на «отлично» в воображаемой школе Антона Адасинского, если бы каким-то чудом ее не запретило Министерство здравоохранения.